

- ⁴ Там же. С. 14.
⁵ Там же. С. 578.
⁶ Там же. С. 505.

РАЦИОНАЛЬНЫЙ СМЫСЛ КАНТОВСКОГО АПРИОРИЗМА

В. Я. Перминов
(*Московский государственный университет*)

Говоря о теории познания И. Канта, надо прежде всего отметить то, что она исходит из некоторого рода бесспорных фактов, которые нуждаются в объяснении независимо от того, признаем мы или не признаем теоретические построения Канта. Это в полной мере относится и к кантовской концепции априорного знания.

Исследуя понятие пространства и времени, Кант обратил внимание на то, что эти понятия имеют черты, резко отличающие их от обычных эмпирических понятий. Это отличие состоит, в частности, в том, что, будучи несомненно абстрактными понятиями, они вместе с тем не могут рассматриваться в качестве результата обычного абстрагирования или обобщения. Если мы возьмем, к примеру, понятие «человек», то мы можем поставить ему в соответствие множество отдельных людей, отличающихся друг от друга, общие признаки которых и выражаются в понятии «человек». Для понятий же пространства и времени не существует отличных друг от друга пространств или времен, которые представляли бы эмпирическую базу обобщения. Таким образом, мы имеем здесь дело с понятиями особого рода, которым, как кажется, не соответствует ничего собственно конкретного, некоторые общие представления, не имеющие частных и более богатых по своим признакам реализаций. Основываясь на такого рода предельно ясных соображениях, Кант пришел к выводу, что наряду с представлениями, которым можно приписать опытное или индуктивное происхождение, в человеческом сознании существуют представления, имеющие другую природу, не содержащие в себе ничего эмпирического, доопытные или априорные представления.

В настоящей статье предлагается интерпретация кантовской концепции априорного, основанная на понятии деятельности, которая, на наш взгляд, позволяет выявить рациональный смысл этой концепции и связать ее с рядом проблем современной методологии науки.

1. Априорность категорий

Всякое знание мы строим на основе категорий, т. е. на основе таких родовых понятий, как материя, пространство, время, причинность и т. д. С категориями связаны определен-

ные требования к содержанию представлений: мы не можем мыслить движение без материи, вещи вне пространства и времени, следствие раньше причины. Другими словами, категориальные принципы образуют рамки, безусловно соблюдаемые при формировании всех наших более частных представлений.

Это, так сказать, некоторый эмпирический факт, давно установленный в теории познания из простого наблюдения за процессом мышления. Для объяснения его необходимо обратиться к анализу общих целей знания, его практической природы. Мы будем исходить из того, что единственной целью познания является практика, расширение возможностей человеческой деятельности. И генетически, и функционально знание подчинено деятельности, погружено в нее как подсистема, как специфическая вторичная деятельность.

Всякая цель накладывает ограничения, всякая система задает общие нормы подсистеме. Поскольку человеческое познание нацелено на практику, имеет смысл только в контексте практики, то тем самым оно необходимо накладывает на себя ограничения, проистекающие из этой фундаментальной ориентации. Категории могут быть поняты как представления, выражающие эти общие деятельностные ограничения.

Категориальная сетка, с этой точки зрения, выработана в процессе деятельности как отражение ее универсальных условий и целей, и именно по этой причине она непреложна для всякого конкретного знания, для всякой системы представлений. Знание, нацеленное на деятельность, должно быть подчинено категориальным принципам, выражающим необходимые требования деятельности. Если бы некто построил теорию, не согласующуюся, к примеру, с принципом причинности, т. е. допускающую действие будущего на настоящее и появление следствий раньше причин, то такая теория была бы заведомо бесплодной, ибо все теории мы строим как раз для того, чтобы действовать на будущее через настоящее. Практическая цель теории существенно определяет ее общую онтологию, независимо от ее конкретного содержания. Идея причины, находящейся в будущем, логически ничему не противоречит, но она абсурдна праксеологически, отвергается целью человеческого знания. Категориальные представления в своей сути представляют собой выражение такого рода необходимых ограничений для всякого знания, проистекающих из его практической природы. Другими словами, категории — универсальные нормы знания, проистекающие из его общей цели и независимые от его содержания.

Из сказанного ясно, что категории отнюдь не эмпирические понятия в обычном понимании этого слова и не обобщения эмпирических понятий. Они отличны от эмпирических понятий, по крайней мере, в следующих отношениях:

а) по объекту отражения. Собственно эмпирические

понятия всегда сориентированы на определенную сферу опыта, изъятие которой сделало бы бессмысленными эти понятия. Категории также формируются в контексте опыта, однако они не связаны с какой-либо конкретной его сферой в том смысле, что любой опыт в конечном итоге приводит нас к той же единой для человечества системе категорий. Такого рода эквивалентность категориальной структуры объясняется тем простым обстоятельством, что эта структура отражает не объекты человеческой деятельности как таковые, не их частную или общую структуру, но само отношение человека к миру, универсальные онтологические основания этого отношения. Категории как понятия находятся поэтому в принципе в другом измерении, чем понятия эмпирические, и они не могут быть поставлены на одну доску с последними;

б) по генезису. Категориальные представления не являются врожденными. Они проходят эволюцию в онтогенезе, что доказано экспериментальной психологией, и, по-видимому, также и в филогенезе. Но эта эволюция ни в том, ни в другом случае не может быть представлена в виде восхождения от частного и конкретного к общему и абстрактному, т. е. по типу эмпирических понятий.

Все эмпирические представления формируются под эгидой категорий, но мы не имеем оснований для утверждения, что категории, в свою очередь, формируются под влиянием эмпирических представлений, ибо в таком случае содержание категорий зависело бы от содержания конкретного опыта. Категориальные представления в действительности формируются в другой сфере, а именно, в сфере практики и социальной коммуникации как определенного рода деятельностные интуиции.

Мы должны признать два пути становления общих представлений, а именно: путь, базирующийся на частном опыте и процедурах абстрагирования, и путь формирования общего представления непосредственно в контексте деятельности. Кант справедливо указывал на то обстоятельство, что общее понятие пространства не имеет своим antecedентом частных представлений о пространстве, из которых оно могло бы быть получено посредством абстрагирования или обобщения. Ясно, что понятие пространства не возникло таким же путем, как понятие человечества или понятие государства. Существеннейший недостаток современных теорий познания состоит в том, что они рассматривают только эмпирический путь становления понятий, сводя к нему все остальное и игнорируя, таким образом, понятия, выражающие сами нормы знания;

в) по типу универсальности. Категориальные представления по своей сущности являются универсально нормативными и в этом плане также принципиально отличаются от эмпирических представлений. Каждое общее представление, принятое научным сообществом, нормативно в том смысле, что

оно регулирует в определенной сфере как становление, так и оформление нового знания. Однако общие принципы, имеющие эмпирическую основу, обладают только относительной универсальностью и относительной необходимостью, ибо они могут быть отвергнуты как истинные за определенными границами.

В отличие от этого категориальные принципы обладают строгой универсальностью и безусловной необходимостью. Сами по себе они могут эволюционировать (по крайней мере, в онтогенезе) и в этом смысле также не являются абсолютными. Но в данную эпоху человеческое знание независимо от своего содержания может формулироваться только в существующих категориях, и в этом смысле категории представляют абсолютную нормативную основу всякого знания. Категориальные принципы в этом смысле — безусловные негативные критерии истинности.

В образовании частных представлений мы соблюдаем категориальные рамки независимо от степени их явного (понятийного) выражения. Социализация индивида в познавательном плане состоит, прежде всего, в формировании категориальной сетки как системы деятельностных интуиций, как нормативной основы всех других представлений;

г) по способу корректировки. Как нормы знания категориальные представления не устраняются и не корректируются в сфере знания, т. е. посредством какой-либо рациональной критики. Мы можем обсуждать понятия материи, причинности, времени и т. п., эксплицировать их содержание, выявлять их природу, но мы не можем устранить эти представления как таковые или видоизменить их, ибо эти представления формируются в действовании, т. е. абсолютно стихийно, и всякая познавательная активность должна исходить из них как из безусловно непреложного базиса. Деятельностное видение мира не может быть отвергнуто на основе эмпирического или теоретического. Являются, в частности, совершенно не обоснованными попытки отвергнуть традиционные философские представления о пространстве и времени на базе теории относительности или представления о причинности на базе квантовой механики. При таком подходе сталкиваются тезисы принципиально различной природы, категориальные принципы отождествляются с эмпирическими и теоретическими;

д) по характеру очевидности. Давно замечено, что категориальные принципы самоочевидны, непреложны, они как бы однозначно навязаны мышлению. Этой особенности категорий однако не придается должного значения в теории познания. Она считается чем-то связанным с психикой субъекта или следствием особой простоты этих принципов. В действительности же категориальная самоочевидность или аподиктичность представляет собой сущностную их черту, непосредственно связанную с их генезисом и функцией. Категориальные

представления — нормы лежат в основе всех частных представлений, и их самоочевидность, преобладание над всякими другими представлениями в субъективном сознании — необходимое условие их функционирования как норм.

Необходимо признать, что наряду с обычной эмпирической очевидностью, основанной на аналогии, интерпретации и т. п., в системе знания существует принципиально другая очевидность, связанная с восприятием универсально нормативных элементов знания. Такого рода интуитивная ясность не зависит от каких-либо специфических опытных данных, она характеризует нормативную зрелость сознания и имеет интересующий субъективный характер. Для индивида, для которого не очевидны подразделения бытия и небытия, части и целого и т. п., закрыт всякий доступ к систематизации опыта и вообще к адекватной языковой и деятельностной коммуникации. Всякая эмпирическая и теоретическая определенность базируется на интересующей определенности категориальных подразделений, которые имеют уже не эмпирическую, но деятельностную природу.

Таким образом, элементарное рассмотрение приводит нас к необходимости признать два принципиально отличных друг от друга уровня представлений, определенное взаимодействие которых и образует познание, как мышление в понятиях. Разница здесь не количественная: категории не просто более общие или более абстрактные понятия, они не просто более универсальны, чем эмпирические, и они не просто более очевидны. Система представлений, связанная с категориями, лежит принципиально в другом измерении и качественно отличается от эмпирических представлений как по генезису, так и по функции.

Рациональный смысл априоризма состоит в констатации этого фундаментального для теории познания различия. Кантовская идея априорного, таким образом, не может быть отброшена. Вряд ли было бы целесообразным бороться и против самого термина «априорный» как не вполне отражающего суть дела. То, что реально необходимо и возможно — это создание более глубокой теории категорий, уточнение их гносеологического статуса, и на этой основе — более адекватное определение априорных представлений, как представлений существенно не эмпирических.

В своей характеристике категорий Кант настаивает на их универсальности и необходимости, на безусловной подчиненности всех эмпирических представлений категориальным принципам (основоположениям). Все эти качества категорий легко объясняются, исходя из их деятельностного понимания.

Адекватное обоснование категорий может быть только деятельностным, базирующимся на анализе практической функции знания. Такой подход позволяет нам считать, что апри-

орное в своей основе — не что иное, как универсально нормативное, т. е. та совокупность представлений, в которых выражается универсально нормативная сторона знания. В этом смысле мы будем употреблять термин «априорное» в дальнейшем.

2. Априорность логики

Для Канта законы логики — тавтологии, аналитические суждения, раскрывающие понятия истины, а следовательно, априорные суждения, так как всякое аналитическое суждение в кантовской классификации суждений является априорным. Логика, по Канту, — наука о необходимых правилах мышления безотносительно к содержанию. Правила логики не могут быть обоснованы на материале какой-либо частной науки, ибо сама логика является предпосылкой всякого обоснования: Логика — негативный критерий истинности знания в том смысле, что всякое знание, не удовлетворяющее ее, заведомо ложно.

Наиболее важным моментом в кантовской трактовке логики является устанавливаемый им параллелизм между логикой и категориями. Каждой категории рассудка соответствует у Канта тип суждения. Первой группе категорий (единство, множество, всеобщность) соответствуют суждения единичные, особенные, всеобщие; категориям реальности, отрицания и ограничения — суждения утвердительные, отрицательные и бесконечные и т. д. Этот параллелизм для Канта не просто некая заслуживающая внимания симметрия, но соответствие, объясняющее глубинный механизм понятийного мышления. Подводя некоторые явления под категорию, мы, по Канту, одновременно подводим его и под определенный тип суждения, и, таким образом, категориальный и логический аспекты мышления оказываются необходимыми сторонами одного и того же процесса образования суждений. «Та же самая функция, которая дает единство различным представлениям в одном суждении, сообщает также единство чистому синтезу различных представлений в одном наглядном представлении: это единство, выраженное в общей форме, называется чистым понятием рассудка» (3, 174).

С современной точки зрения, кантовская схема выглядит неудовлетворительной во многих отношениях. Тем не менее ее, несомненно, следует отнести к числу наиболее значительных достижений в теории познания: связав логику и категории, Кант сделал первый и чрезвычайно существенный шаг к адекватному обоснованию как того, так и другого.

Взгляд на категории как на универсальные нормы знания, проистекающие из его практической природы, дает нам направление и для адекватного понимания природы логических норм. Основное различие лежит здесь в различии между со-

держательным и формальным аспектами знания. Ограничения, выражаемые в категориях, это ограничения на содержание представлений и понятий. Однако ограничения на содержание представлений на уровне языка необходимы превращаются в ограничения на форму понятий, на их взаимную связь по объему. Эти последние ограничения выступают для нас в форме логических норм, имеющих безусловное значение.

С праксеологической точки зрения, мы должны, таким образом, принять кантовский параллелизм категорий и логики, истолковывая эти понятийные системы как два типа необходимых ограничений соответственно на содержание и на форму знания, проистекающие из общей цели знания. Разумеется, мы не можем жестко ограничивать число категорий, как это делал Кант, или представлять классификацию суждений как абсолютную и завершенную. Нельзя принять и того положения, что каждой категории соответствует единственный и строго определенный тип логической связи. Такого рода жесткая симметрия искусственна и не отражает действительного положения дел. Простых онтологических коррелятов для всех логических понятий не существует. И тем не менее не подлежит сомнению, что в основе логических норм лежат онтологические (категориальные) интуиции и что формулировке любого суждения как фиксации определенной логической связи предшествует категориальный синтез, т. е. подведение чувственно данного под определенный комплекс категорий. В этом смысле человеческое мышление как категориальное является одновременно и мышлением логическим, подчиненным универсальным нормам языка.

Отсюда ясно, что логические нормы являются априорными в точности в той же мере, что и категории. На этой основе могут быть объяснены все их основные свойства.

Логика с этой точки зрения не является эмпирической или индуктивной наукой, т. е. она не может быть истолкована как теория, отражающая некоторую специфическую сферу или аспект опыта. Все доводы на этот счет, относящиеся к категориям, применимы и к логике. Законы логики не могут быть поставлены рядом с законами физики: хотя они универсально задействованы в описании опыта, но они не извлечены из опыта, не обосновываются и не опровергаются опытом. Они должны быть поняты как нормы знания, внесенные извне, определенные его общими задачами, но не какими-либо моментами его содержания.

Это положение важно для современной методологии науки. Оно дает нам, в частности, основания отвергнуть брауэровскую концепцию соотношения математики и логики, согласно которой введение новых объектов в математику (бесконечных множеств) должно привести и к изменению норм логики. В действительности система логических норм проистекает не из содержания отдельных понятий или теорий, но из задач поня-

тйного мышления вообще, изменение которых не связано непосредственно с материалом мышления.

Логика непреложна (авторитарна) в том же смысле, что и категории. Поскольку наше знание подчинено внешним целям, оно должно конструироваться в рамках ограничений, проистекающих из этих целей. Логика и категории и задают эту общую систему ограничений, за пределами которой знание заведомо неосмысленно и не может претендовать на истинность. В этом смысле необходимо принять кантовское положение о том, что система логических норм является негативным критерием истинности.

Из параллелизма логики и категорий следует, наконец, то что логика универсальна, т. е. едина для всех областей знания предметов рассуждения. Действительно, если синтез восприятий происходит в рамках единой сетки категорий, то образование суждений не может выйти за пределы логических связей, определенных этой сеткой. Короче говоря, единство категориального синтеза предопределяет единство и универсальность реальной логики.

Логические нормы так же, как и категории, относятся к сфере аподиктической очевидности. Математик, проводя доказательство теоремы, тщательно определяет все основные понятия, но он обычно ничего не говорит о нормах логики, по которым собирается умозаключать. Он считает (и не без основания), что логические переходы, убедительные для него, будут восприняты как таковые и другими. Здесь, таким образом, мы имеем дело с некоторой социально принятой достоверностью, непреложной для индивидуального сознания. Из сказанного выше ясно, что истоки этой непреложности не в психике или физиологии человека, но в деятельностной ориентации знания. Аподиктичность логических норм проистекает из их нормативной природы и из их связи с универсальной онтологией.

Аподиктическая очевидность логических норм проявляется, прежде всего, в их интересубъективности, в непреложности для каждого социализированного индивида. Однако она не тождественна интересубъективности, ибо последняя может иметь и относительный, исторический характер. Логические нормы являются социальными в том смысле, что они навязаны нам социально-практической, коммуникативной деятельностью. Но они не являются культурно-историческими, ибо отражают только наиболее глубокие инварианты этой деятельности, независимые от социального или культурного характера определенной эпохи. Логика, таким образом, не просто интересубъективна, она в некотором смысле интересоциальна, и это радикальным образом отличает ее нормы от различного рода стереотипов, имеющих историческое значение.

Этот момент принципиально важен для понимания гносеологического статуса априорных представлений вообще. Считаю

категории и логику независимыми от содержания мышления и непреложными для человека и человечества, Кант тем не менее не исключал возможности, что другие разумные существа будут иметь другую структуру мышления, т. е. другой состав априорного. Позднее Гуссерль увидел в этом допущении непоследовательность Канта, уступку антропоморфизму и эмпирической психологии. Деятельностное истолкование логики заставляет нас поддержать в данном случае позицию Гуссерля. Априорные формы мышления, фиксирующие в своем содержании универсальные онтологические условия бытия и познания, связаны не с разумностью человека как определенного биологического вида, но с разумностью вообще, если только она имеет своим фундаментом деятельность и расширение возможностей деятельности в качестве своей цели.

3. Априорность исходных представлений математики

По Канту, математика априорна, ибо во всех своих понятиях и рассуждениях опирается на чистое созерцание, а именно на априорные представления пространства и времени. Геометрия является ничем иным как выражением в понятиях чистых представлений о пространстве, арифметика находится в таком же положении по отношению к представлению о времени. Арифметика и геометрия для Канта представляют фундамент математики в том смысле, что все остальные дисциплины, такие, как алгебра и анализ, основаны на понятиях этих основных и генетически исходных областей.

Кант считал, что математика по своей природе должна быть самоочевидной. Ее основные понятия должны быть не просто логически корректно заданными, но они должны быть данными в созерцании *in concreto*, т. е. мы должны иметь возможность обозревать их как индивидуальные материальные объекты. Кант считал также, что и любое доказательство должно быть очевидным, непреложным для сознания в любом своем шаге (3, 402)¹.

Установка на наглядность любого математического объекта, конечно, несовместима с абстрактной, чисто логической математикой. Известно, что Кант допускал возможность логически безупречной неевклидовой геометрии, но он не мог допустить ее возможности в системе математики вследствие ее неизбежной удаленности от человеческих форм чистого созерцания.

Развитие математики в XIX веке привело к признанию как совершенно законных различных абстрактных структур, в том числе и неевклидовых геометрий. Тем самым кантовская трактовка математики, ограничивающая ее объекты данностью в созерцании, была отвергнута практикой. Многими математика-

ми и философами это было истолковано как опровержение кантовской философии математики вообще. Такого мнения придерживались Ф. Клейн, Г. Гельмгольц, А. Пуанкаре, Л. Брауэр и многие другие математики.

Это мнение, однако, ошибочно. Отвергнув один из выводов кантовской философии математики, мы не поколебали ее в основном, а именно, в утверждении особого статуса арифметических и геометрических представлений. Как показывает ближайшее рассмотрение, мы вполне можем оправдать эту последнюю идею, не вступая в противоречие ни с теорией познания, ни с современной математической практикой. Мы можем утверждать, что математическое мышление, по крайней мере в указанных элементарных областях, обладает особым рода аподиктичностью и что эта аподиктичность родственна аподиктичности категорий и логики, т. е. имеет в конечном итоге праксеологическое основание.

Исследуя генезис основных математических представлений, Ж. Пиаже установил, что они возникают в существенно другом измерении, чем собственно эмпирические понятия: в понятии числа фиксируются не физические свойства объекта, не физический опыт как таковой, но общие свойства систем операций, которые выполнимы с предметом. Арифметические очевидности, таким образом, органически связаны со структурой деятельности, продиктованы ее инвариантами. Они образуют особый уровень идеализаций, не связанных с содержанием какого-либо частного знания.

Арифметические понятия оказываются органически связанными с логикой уже в самом своем генезисе. Основываясь на экспериментальных данных, Пиаже приходит к выводу, что образование логического понятия класса не было бы возможно без понятия числа, а в свою очередь понятие числа не могло сформироваться без понятия класса. Этот факт позволяет утверждать, что логика и арифметика являются, по существу, однопорядковыми структурами, базирующимися на одном классе интуиций, а именно, на классе фундаментальных праксеологических интуиций.

Это дает нам возможность по-новому взглянуть на непреложность элементарных арифметических суждений. Почему мы верим, что $2+2=4$? С эмпирической точки зрения, эта вера — результат часто повторяющегося опыта, с традиционно априористской — понятийное выражение некоторого чистого созерцания, с формалистской точки зрения, оно основано на соглашении. Б. Рассел утверждал, что арифметическое равенство имеет ту же природу, что и истина «в ярде три фута». Учитывая специфически деятельностный характер арифметических идеализаций, мы приходим к совершенно иному ответу на этот вопрос. Мы исходим из того, что операциональный опыт формирует в нашем сознании необходимую систему идеализаций

и понятие числа представляет собой элемент этой системы, необходимой для сознания в качестве некоторой общей нормы. С этой точки зрения утверждение $2+2=4$ является непреложным (аподиктическим) в силу непреложности праксеологических идеализаций вообще и неэмпиричным вследствие независимости праксеологических идеализаций от специфического опыта. Арифметические утверждения, таким образом, — не опытные обобщения и не тавтологии, но утверждения, фиксирующие необходимые связи в мире определенного типа праксеологических идеализаций, т. е. априорные утверждения в указанном выше деятельностном истолковании априорного.

То же самое относится и к исходным представлениям евклидовой геометрии. С логической точки зрения, евклидова геометрия просто одна из математических структур, она не обладает в этом плане какими-либо преимуществами, кроме своей простоты. В онтологическом отношении, однако, она занимает совершенно привилегированное положение. Известно, что, несмотря на наличие множества геометрий, мы «видим мир» всегда как евклидовый. И это совсем не случайный факт и не следствие особого устройства нашей психофизической организации. Дело в том, что в основных инвариантах евклидовой геометрии зафиксированы универсальные характеристики практической деятельности, некоторые необходимые предпосылки. Анализ показывает, что в процессе оперирования с предметами мы неизбежно должны допускать их тождество при перемещении и вращении, а также и отношение подобия, т. е. все инварианты евклидовой геометрии. Евклидовость пространства, таким образом, диктуется необходимыми идеализациями, лежащими в самом представлении о предмете и возможности оперирования с ним. Геометрия, как и арифметика, таким образом, отражает не мир сам по себе, но скорее деятельностное отношение к миру, необходимые компоненты структуры деятельности.

Общий вывод, который следует из сказанного, состоит в том, что исходные арифметические и геометрические представления — не обычные абстракции или идеализации, но представления, имеющие праксеологические истоки, рядоположенные с логическими и категориальными представлениями.

К собственно априорному, имеющему праксеологическое основание, мы можем отнести, конечно, только очень узкий круг математических представлений. Нетрудно, однако, показать, что эти представления лежат в основе любого математического рассуждения и, таким образом, имеют принципиальное значение для математики в целом.

В элементарных доказательствах мы опираемся часто на геометрическую очевидность как нечто безусловно достоверное. Если чертеж диктует нам, что прямая может пересекать окружность в двух, а не в трех или четырех точках, то никакое доказательство не убедит нас в противоположном. Очевидность

в этом случае авторитарна, она в некотором смысле выше логики. В абстрактных областях математики объекты, как правило, далеки от какой-либо очевидности, но само доказательство не меняет своей природы. Мы можем в этих областях доказывать теоремы и убеждать друг друга в их непреложности только потому, что и здесь все в конце концов сводится к некоторым очевидностям аподиктического порядка.

Геометрическая очевидность не является единственной очевидностью в математике, имеющей авторитарное значение. Кроме нее, мы можем выделить также предметную очевидность, состоящую в способности отождествления и различения предметов (знаков) и их простых комбинаций, логическую очевидность, состоящую в безусловном принятии простых схем умозаключения, очевидность однозначного соответствия объектов, на которую мы опираемся при установлении изоморфизма и гомоморфизма и т. п. Предметная очевидность является наиболее важной в современной математике, ибо мы оперируем со знаками, как с предметами, и убеждаем друг друга в непреложности умозаключений, опираясь на некоторые предельно простые и недоказуемые постулаты о возможных вариациях в конечном множестве предметов. Так мы непосредственно принимаем элементарные комбинаторные утверждения, которые, вообще говоря, нельзя доказать, не прибегая к допущениям того же типа.

Отсюда ясно, что, утрачивая геометрическую наглядность и соответствующую ей аподиктичность рассуждения, мы не утрачиваем очевидности (аподиктичности) вообще. Там, где математический образ не дан нам наглядно, мы берем его как чисто логический объект, который однозначно задан некоторой системой требований, и оперируем с ним в соответствии с логической и предметной очевидностью, поскольку он представлен через операции, зафиксированные предметно (символически). И только благодаря наличию такого рода очевидностей мы убеждаем себя в наличии доказательства и приобретаем уверенность в его полной надежности в сфере приложений.

Любое математическое доказательство в любой области математики в конечном итоге опирается на аподиктическую очевидность, и только благодаря этой основе оно получает статус достоверного и неопровержимого. В этом смысле кантовское требование полной очевидности всех шагов доказательства является верным, и оно вообще не может быть нарушено без утраты возможностей внутреннего развития математики.

Поскольку аподиктическая очевидность— категориальная и деятельностьная в своей основе, то математика должна быть признана наукой, базирующейся на априорных представлениях.

Мы не можем говорить, что математика априорна в том же смысле, в каком мы можем сказать это по отношению к категориям и к логике. Формирование математических понятий

происходит под влиянием науки и опыта, и оно не может быть ограничено сферой аподиктически очевидного. Мы можем, однако, утверждать, что генетически исходные представления математики, относящиеся к евклидовой геометрии и арифметике, органически связаны с категориальным видением мира и являются априорными в той же мере, что и сами категории. Мы можем утверждать также, что логика математических доказательств неизбежно зиждется на априорных интуициях, независимо от характера объектов рассуждения, и в этом смысле априорное представляет необходимый базис математического мышления.

Если природа математической очевидности категориальная, то математика и философия в своих исходных идеализациях как бы вырастает из одного корня и математическая достоверность должна быть понята как проистекающая из определенности категориальных подразделений. Эта органическая связь математических и философских идеализаций, достаточно определенно намеченная в гносеологии Канта, до настоящего времени не получила должного признания. Развитие этой идеи, на наш взгляд, может привести к новому, более глубокому пониманию природы математического знания.

4. Априорный элемент в эмпирических науках

Кант считал, что основные принципы теоретического естествознания должны быть априорными. К ним он относил, в частности, законы Ньютоновой механики. Таким образом, априорное знание в системе Канта не ограничивалось сферой категорий и логики, но захватывало и часть собственно теоретических представлений, непосредственно связанных с опытом.

В настоящее время у нас нет оснований защищать эту идею Канта. Принципы теоретического естествознания, конечно, отличаются от собственно эмпирических, индуктивных обобщений, возникающих непосредственно в контексте опыта или эксперимента. Но они никоим образом не могут быть подведены под рубрику априорного знания.

Важнейшая особенность априорных положений состоит в их универсальности и независимости от конкретного опыта. Естественно-научные принципы, какой бы общностью они не обладали, по своему содержанию нацелены на определенный круг опыта, отражают отношения определенного специфического объекта исследования, но не универсальные требования к познанию или деятельности.

Некоторые философы позитивистского направления утверждали наличие априорного знания в физике, понимая под таким знанием различного рода соглашения, т. е. по существу

аналитические утверждения. Такого рода утверждения непроверяемы на опыте, и они априорны в собственно кантовском понимании априорного, ибо, по Канту, всякое аналитическое суждение априорно. Здесь нужно сказать о существенной непоследовательности в понимании априорного знания у самого Канта. С одной стороны, он подчеркивает в качестве его главных характеристик строгую универсальность и необходимость, а с другой стороны, всякое аналитическое утверждение объявляет априорным. Но последнее не вполне согласуется с первым, ибо включает в класс априорных суждений соглашения, имеющие сугубо конкретный характер и не имеющие отношения к выявлению общих условий познания.

Деятельностная реабилитация априорного, которую мы здесь предпринимаем, оправдывает априорное только в первом его понимании, т. е. как определенное через универсальность, необходимость и независимость от специфического опыта. С этой точки зрения, аналитическое не обязательно априорно, и наличие в физике системы аналитических утверждений не является аргументом за ее априорность в каких-либо моментах.

Сказанное не означает, что в физике нет истинно априорных элементов. Такой характер, по-видимому, имеют некоторые общие методологические принципы, с которыми согласуется физическая теория. Известно, к примеру, что все физические теории строятся с соблюдением принципа причинности, а именно, в рамках того предположения, что будущее состояние системы не может влиять на настоящее. В квантовой теории поля этот принцип записывается явно в виде определенного утверждения о свойствах оператора состояния².

Современная физика основана преимущественно на вероятностных представлениях, и она не принимает по отношению к своим моделям традиционного принципа «каждое явление имеет причину». Однако все физические модели имеют причинный характер в смысле сформулированного выше принципа, запрещающего воздействие будущего на настоящее.

Возникает вопрос, может ли физика отказаться и от этого ограничения точно таким же образом, как она в свое время отказалась от детерминистического характера своих представлений. Есть основания думать, что такой отказ невозможен. Физическая теория, как теория, включенная в деятельность, сориентирована на открытие и расширение системы причинных связей, а в конечном итоге — на рекомендации типа «если мы сделаем А, то получим В». Этой установке подчинена любая научная теория, будь то динамическая или статистическая. Допущение действия будущего на настоящее в структуре теории, т. е. инверсии причинной связи, немедленно привело бы к такой инверсии и на уровне фактов, т. е. мы должны были бы считать законными утверждения типа «если в данный момент мы повливаем на событие, которое произойдет через сто

лет, то мы предотвратим (вызовем) событие, которое может произойти завтра», т. е. утверждения праксеологически бессмысленные.

Общие принципы естествознания, конечно, не априорны. Рассуждения Канта здесь ошибочны. Однако следует признать, что эмпирические науки также покоятся на априорных принципах, выражающих необходимые рамки теоретического рассуждения вообще с точки зрения его эффективности. Эти принципы могут лишь подразумеваться как некоторые тривиальные условия построения моделей, но могут существовать и в эксплицированной форме, рядом с собственно объективными принципами, отражающими структуру объекта исследования.

Наличие априорных элементов знания в эмпирической науке проявляется и в другой плоскости, а именно, в процессе фиксации фактов как безусловного основания теории. В современной методологии развиваются воззрения, согласно которым элементарные фактологические утверждения представляют собой нечто релятивное, некие соглашения, которые впоследствии могут быть признаны неадекватными. Система фактологических утверждений объявляется релятивной, и ее релятивность ставится рядом с релятивностью и историчностью теории³.

Такое воззрение, однако, мало согласуется с историей знания. Практика показывает, что развитие теории может привести к переинтерпретации факта, но не к устранению его как системы наблюдаемых феноменов.

Эта «упрямость факта» и инвариантность его в истории знания может быть объяснена только тем, что фиксация основных фактов теории как некоторой совокупности явлений не зависит от теории, она происходит исключительно в сфере опыта и категорий. Нам не нужно знать физики, чтобы зафиксировать наличие теплоты, движения или притяжения тел; нам нужно лишь обладать способностью различать события в пространстве и времени, уметь однозначно характеризовать их в плане появления и исчезновения и т. д. Категориальные представления и данные опыта непосредственно связаны, и в этом взаимодействии до теории и независимо от теории конструируется мир фактов, который любая теория может только попытаться объяснить.

Мы видим, таким образом, что эмпирическая теория, не имея априорных принципов в своем непосредственном содержании, тем не менее подчинена непреложностям, имеющим праксеологическое основание: она должна в своих моделях принять общую онтологию, продиктованную ее целью и должна быть согласованной с миром фактов, который является также безусловным для нее, конституированным в категориях.

Эмпирическая философия XIX века, желая быть ближе к науке, заменила дилемму эмпирического и априорного более осязае-

мой дилеммой эмпирического и теоретического. В настоящее время становится все более ясным, что теория опытного знания не может быть построена только в рамках последнего противопоставления. Само обоснование факта и подлинная защита эмпиризма требуют принятия априорного как системы принципов, имеющих универсально нормативное значение.

5. Эмпиризм и диалектический материализм

Концепция априорного в том виде, как она представлена у Канта, далека от совершенства. Многие ее положения неопределенны, другие заведомо ошибочны. И тем не менее эта концепция определила собой новый этап в развитии философского мышления.

В методологическом отношении представляется уместным сравнить Канта с Ньютоном. Ньютон, как известно, отказался от попыток своих предшественников объяснить природу тяготения. Он взял тяготение как факт и создал на этой основе эффективную систему объяснения широкого комплекса астрономических явлений. Кант аналогичным образом не вдается в разъяснения понятия априорного. Существование неэмпирических представлений для него факт, непосредственно связанный с самим фактом познания, а в теоретическом плане — постулат, позволяющий создать систему и оправдать существование основных типов знания в их эмпирически наблюдаемых особенностях. Избрав путь феноменологического постулирования, Ньютон был, безусловно, прав, ибо, как мы теперь понимаем, в его время гипотезы о природе тяготения не могли быть продуктивными. В этом же плане является полностью оправданной и методология Канта: в философии XVIII века не существовало объективных предпосылок для полного выяснения статуса неэмпирических представлений, для выявления их сферы и познавательной функции. Такого рода объективные предпосылки появились только через построение теории познания на основе понятия практики, через анализ социально-практической функции знания.

Однако появление предпосылок не тождественно их реализации. Современная философия науки принимает априорное только аналитическое, что является совершенно неадекватным. В работах по диалектическому материализму идея априорного знания также рассматривается преимущественно негативно, как только проявление идеалистического характера кантовской теории познания в целом. Результатом такого подхода является тот факт, что основные вопросы теории познания излагаются с позиций традиционного эмпиризма, который не признает никаких путей формирования общих представлений, кроме ин-

дуктивно-эмпирического. Категории объявляются результатом обобщения обыденного опыта или данных естествознания. Законы логики трактуются как рядоположенные с физическими законами, полученными на основе обобщения и абстрагирования. В объяснении природы математических идеализаций основной упор делается на их эмпирических коррелятах, т. е. проводится мысль, что эти идеализации ничем существенным не отличаются от обычных физических абстракций и идеализаций и т. д. Желая во что бы то ни стало отвергнуть априоризм, мы в действительности искажаем природу научных понятий и методов, отрезаем возможность объяснения таких простых теоретико-познавательных фактов, как авторитарность и историческая устойчивость логических норм. В самом деле, если логические нормы — это индуктивные обобщения того же порядка, что и законы физики, то на каком основании мы приписываем им право высшего контроля над всеми другими законами? Современный эмпиризм не способен объяснить природу логики и математики точно так же, как этого не мог сделать эмпиризм XVIII века.

Между тем теория познания диалектического материализма совсем не должна и, более того, не может следовать объяснительным схемам традиционного эмпиризма, ибо в отличие от последнего она опирается не на понятие опыта, а на понятие практики. Это важнейшее различие между эмпиризмом и диалектическим материализмом, признанное в теории, как правило, игнорируется на практике, в трактовке принципиальных теоретико-познавательных проблем.

Конечно, практика, как преобразовательная деятельность, органически связана с опытом, как с фиксацией в сознании определенных сторон и черт действительности. Но говоря об опыте, мы акцентируем внимание на познавательных актах субъекта, на способности ощущения, восприятия, образования суждений, абстрагирования и т. д. Эмпирическая теория познания берет эти акты сознания как первичные, обусловленные лишь психофизическими механизмами индивида или человека вообще. Последовательный эмпиризм допускает нормы познавательной деятельности только в качестве индуктивных принципов, полученных на основе наблюдений за реальным процессом познания. Эти принципы должны пониматься здесь как безусловно относительные и как существенно антропоморфные или социоморфные, отражающие специфически человеческие особенности познавательной активности.

Теория познания, основывающаяся на понятии практики, рассматривает все механизмы отражения действительности как детерминированные практической активностью субъекта, имеющей материальное воплощение. Но такая интерпретация опыта оставляет нас осязать нормативное значение деятельности, то обстоятельство, что практическая нацеленность знания у же

задает необходимые нормы для всех уровней формирования знания, в том числе и для сферы непосредственного чувственного восприятия мира. Причем эти нормы должны понимать теперь как строго универсальные, не зависящие как от содержания знания, так и от субъекта познания, т. е. от человека или общества как особых материальных систем. Это значит, что диалектический материализм в отличие от эмпиризма и позитивизма может и должен признать идею априорного, неэмпирического знания, дав ей более глубокое обоснование, базирующееся на рассмотрении социально-практической природы познания.

Диалектический материализм, конечно, может понимать субъект познания как материальное тело, как некоторого среднего человека в его психической и физиологической данности, т. е. как своего рода материальную систему, которая имеет внутреннюю структуру, обладает способностью к отражению и т. д. Такой сугубо субстратный аспект рассмотрения необходим, когда речь идет о генезисе сознания или о его отражательной функции. Однако во многих случаях мы должны рассматривать субъект лишь в качестве абстрактного носителя норм. Именно такой субъект, трансцендентальный субъект, лежит в основе концепции Канта. Диалектический материализм не может отказаться от субъекта и в этом втором истолковании, поскольку он не может отказаться от признания познавательных норм, имеющих универсальное значение.

С праксеологической точки зрения, априорное — не что иное, как универсально нормативное, проистекающее из деятельности как общей основы и цели знания. Такое рассмотрение дает возможность снять традиционную мистику с понятия априорного, объяснить его происхождение и функцию. С этих позиций, как представляется, мы можем выработать и рациональные критерии априорного, определить его реальный объем в существующей системе знания, т. е. на новых основаниях решить основную задачу кантовской трансцендентальной логики.

¹ См., например: Lucas I. R. *Euclides ob omni noevo vindicofus*//The British journal for the philosophy of science. 1969. Vol. 20. N 3. P. 1—10.

² См.: Барашенков В. С. Об экспериментальной проверке принципа причинности//Вопросы философии. 1965. № 2.

³ См.: Поппер К. *Логика и рост научного знания*. М., 1983. С. 138—148.

УЧЕНИЕ О ПОНЯТИИ В НЕОКАНТИАНСТВЕ

Л. Г. Тоноян

(Ленинградский государственный университет)

Главная особенность кантовского подхода к логике состоит в том, что он, не предлагая пересматривать основоположения